

Еп. Серафим (Владимир Амельченков)¹
Bp. SERAFIM (VLADIMIR AMEL'ČENKOV)
[HTTPS://ORCID.ORG/0000-0002-2649-5203](https://ORCID.ORG/0000-0002-2649-5203)

Rocznik Teologiczny
LXVII – z. 1/2025
s. 79–96
DOI: 10.36124/rt.2025.05

Польский колокол в Смоленске: историко-археологическое исследование

Pol'skij kolokol v Smolenske: istoriko-arheologičeskoe issledovanie

Polish bell in Smolensk: historical and archaeological research

Ключевые слова: польский колокол, Смоленск, Свято-Успенский кафедральный собор, Головчин, польское наследие, Якоб Кёниг, звон

Key words: polish bell, Smolensk, The Holy Dormition cathedral, Holowczyn, polish heritage, Jakob König, ringing

Резюме

Статья посвящена историко-археологическому исследованию польского колокола в Смоленске – уникального артефакта первой половины XVII в. Данный историко-культурный объект является одним из важных памятников польского наследия на Смоленщине. Опираясь на изученные материалы, впервые дано комплексное историческое описание смоленского польского колокола 1636 г.: установлено его первоначальное местонахождение, выявлены обстоятельства его появления в Смоленске и прослежена история его бытования здесь, предположительно определен мастер-изготовитель.

¹ Bp prof. dr Serafim (Vladimir Amel'čenkov) jest przewodniczącym Synodalnego wydziału ds. młodzieży Rosyjskiego Kościoła Prawosławnego, profesorem katedry cerkiewno-praktycznych dyscyplin Ogólnocerkiewnej aspirantury i studiów doktoranckich im. świętych równych apostołom Cyryla i Metodego w Moskwie.

Освещена судьба колокола в XX в., в том числе на фоне дикой большевистской кампании по уничтожению колоколов. Отмечено большое значение изученного артефакта для научного, церковного и искусствоведческого сообществ России, Польши, Литвы и Беларуси.

Abstract

The article is devoted to the historical and archaeological study of the Polish bell in Smolensk, a unique artifact of the first half of the XVII century. This historical and cultural object is one of the important elements of Polish heritage in the Smolensk region. Based on the studied materials, a comprehensive historical description of the Smolensk Polish bell of 1636 is given for the first time: its original location is established, the circumstances of its appearance in Smolensk are revealed and the history of its existence here is traced, presumably the master manufacturer is determined. The fate of the bell in the XX century is highlighted, including against the background of the wild bolshevik campaign to destroy the bells. The great importance of the studied artifact for the scientific, ecclesiastical and art criticism community of Russia, Poland, Lithuania and Belarus was noted.

Древний Смоленск неразрывным образом исторически и культурно связан с Речью Посполитой. Как известно, в 1404-1514 гг. город являлся частью Великого Княжества Литовского, затем, после почти столетнего перерыва, в 1611 г. королем Сигизмундом III Вазой снова присоединен к Речи Посполитой, в составе которой находился фактически до 1654 г., а юридически – до 1667 г., когда согласно Андрушовскому перемирию отошел к России. На протяжении минувших столетий, не смотря на все общественно-политические пертурбации, на Смоленской земле, так или иначе, сохраняется наследие польского времени – комплекс памятников, традиций, культурных и языковых особенностей и ценностей, являющихся важными и знаковыми для коренных смолян, глубоко осознающих свою историю. Причем это польское наследие, выраженное в различных конфессиональных элементах, в равной степени представляет интерес и имеет значение, как для коренных жителей Смоленщины, так и для полонии. Данное обстоятельство

проистекает из характерных особенностей I Речи Посполитой, в которой представители разных этнических групп и конфессий считали себя интегральной частью единого культурно-исторического пространства.

Настоящая статья посвящена историко-археологическому исследованию сохранившегося в Смоленске до наших дней уникального православного памятника польской эпохи – так называемого польского колокола 1636 г. Именно с таким наименованием данный художественный объект вошел в историю Смоленска и поныне известен горожанам. До изъятия большевиками в 1930 г. всех колоколов с пятнадцати православных храмов Смоленска этот колокол висел на колокольне (1763-1772) Смоленского Свято-Успенского кафедрального собора (1677-1740, 1767-1772) и являлся одной из ее достопримечательностей. Об этом свидетельствует описание колокольни, составленное С.П. Писаревым. Только чудом смоленский польский колокол удалось спасти и сохранить от переплавки в большевистское лихолетье, однако, именно тогда он был снят с колокольни и, видимо, в тот момент претерпел частичное повреждение – был утрачен его язык. Сегодня этот артефакт находится на территории кафедрального собора и обращает на себя особое внимание посетителей.

Внешний вид смоленского польского колокола довольно аскетичный: по фризу идет инскрипция в две строки на польском языке, под которой в качестве украшения также по кругу размещается изящный растительный орнамент. Инскрипция является важным и единственным историческим свидетельством, рассказывающим о том, кем, для какого храма и когда был изготовлен колокол:

KOSZTEM I NAKLADEM SLAWETNEGO PANA IWANA SEMENO-WICZA WODOWOZOWICZA MESZCZANINA HOLOWC:ZYNISKIEGO NADAL TEN DZWON DO CERKWI PRZEOBRAZENA S SPASA-NA CZESC I CHWALE BOZA-ROKV 1636.

В переводе на русский язык:

Средствами и затратами славного господина Ивана Семеновича Водовозовича мещанина головчинского передал этот колокол к церкви Преображения Спаса на честь и хвалу Божию. Лета 1636.

Внизу указана масса: «Вѣсъ 37^и 30^{ф.}», то есть около 619 кг.

Исходя из надписи, смоленский польский колокол был изготовлен на средства мещанина местечка Головчин² Ивана Семеновича Водовозовича и передан для церкви Преображения Спаса в 1636 г., следовательно, происхождение артефакта связано с Могилевщиной. Отсюда закономерно вытекает два вопроса – о каком Спасском храме идет речь, и как этот колокол в конечном итоге оказался в Свято-Успенском кафедральном соборе Смоленска?

Наиболее распространенным мнением является то, что польский колокол ранее находился в Спасском монастыре Смоленска, расположавшемся недалеко к востоку от церкви Святого Архангела Михаила – на Спасской горе, в деревне Чернушки. Первым это предположение, которое, как дальше увидим, является ошибочным, высказал в 1898 г. упомянутый смоленский историк С.П. Писарев (Pisarev 1898, 128). Рассмотрим и опровергнем данное мнение.

Относительно времени основания Спасского монастыря сведений нет. Между тем, о церкви Спаса в Смоленске сказано в летописях под 1384 г. в связи с вступлением в брак дочери смоленского князя Святослава Ивановича: «Тояже осени 1384 года, великий князь Михаил тверской женил сына своего князя Бориса у великого князя Святослава Ивановича смоленского и венчан бысть в церкви святого Спаса» (Karamzin 1842, 59). О существовании в то время монастыря при этой церкви не указывается. Однако с учетом того, что венчания в монастырях

² В настоящее время агрогородок Головчин в составе Белыничского района Могилевской области Беларуси.

не совершались, по всей вероятности, тогда это был приходской храм неподалеку от резиденции великого князя.

Первое упоминание о монастыре Святого Спаса в Смоленске содержится в жалованной грамоте короля Сигизмунда I Старого от 5 июля 1507 г.: «Присылали к нам игумен з братьею монастыря Святого Спаса с Смоленска, бьючи нам чолом, и просили в нас земли, в Смоленском повете, в Карлове, на имя Матфеевщины...» (*Akty, otnosâšiesâ...* 1848, 26). В королевском привилее от 1 сентября 1508 г. назван настоятель данного монастыря в сане архимандрита:

[...] Били нам чолом архимандрит с Смоленска Святого Спаса Иона з братьею и просили в нас людей наших дву служеб, в Смоленском повете, в Каспльской волости, на имя Павла з братьею Каstryчиных, а Зенова з братьею Малетиных; а поведили нам, што ж тыи люди нам дают две четверти меду пресного до погреба нашего, и город наш Смоленеск робят и хоромы оправляют [...] (*Akty, otnosâšiesâ...* 1848, 26-27).

На момент осады Смоленска в 1609-1611 гг. королем Сигизмундом III Спасский монастырь продолжал существовать. Здесь польская артиллерия в 1609 г. предполагала поставить четыре орудия для обстреливания города (*Akty istoričeskie...* 1841, 314-315). В 1609 г. В нем и других монастырях располагались станы королевских войск (*Pisarev* 1898, 161). В донесении царю Василию Шуйскому от 9 октября 1609 г. смоленские воеводы Михаил Шеин и князь Петр Горчаков сообщали, что «Король, а с ним Радных панов, гетман пан Жолтовской, да канцлер Лев Сапега, да Стаднитцкой, и иные многие паны и ротмистры, пришед под Смоленск, стали в Троетцком и в Спасском и в Борисоглебском и в Орхангелском и в Духовском монастырех...» (*Akty istoričeskie...* 1841, 318). Сильная пальба находившихся в осаде смолян по польским войскам заставила последних покинуть это место. В результате Спасскому монастырю были причинены большие разрушения (*Trofimovskij* 1868, 218-219). После овладения Смоленском королем

Сигизмундом III монастырь Святого Спаса был передан иезуитам, которые устроили здесь загородный дом для своего коллегиума. На Спасскую церковь и близлежащие земли предъявлял претензии униатский архиепископ Смоленский Лев Кревза, однако иезуиты одержали верх (Krajcar 1967, 436). Это подтверждают и местные народные предания, в соответствии с которыми данная местность еще в XIX в. называлась «костелами» (Trofimovskij 1868, 219). Во время неудачной попытки воеводы Михаила Шеина вернуть Смоленск в 1634 г. на территории между церковью Святого Архангела Михаила и Спасским монастырем располагался стан Карла Губерта, француза, служившего в русском войске (Pisarev 1898, 161). Вероятно, опустошенная при этой и последующих осадах Спасская церковь после присоединения Смоленска к России в 1654 г. не была восстановлена для православных богослужений (Trofimovskij 1868, 219-220).

В начале XIX в. местные жители еще могли видеть огромные обгорелые колонны церкви и колокольни, которые затем были разобраны. Во второй половине XIX в. были видны развалины церкви Спаса Благословенного (наибольшие по размеру и близкие к деревне), параллельно им – более длинные остатки монастырских келий, на обращенном к Днепру краю Спасской горы – руины колокольни, святые ворота. От колокольни на значительное пространство тянулись вниз по горе к западу остатки ограды, в конце которой были заметны следы старого кладбища – каменные склепы (Trofimovskij 1868, 220; Pisarev 1898, 161). Развалины монастыря разбирались на материал в 1838 г. для строительства Смоленско-московского шоссе и позже – местными жителями для хозяйственных нужд. К концу XIX в. монастырская территория была занята разросшейся деревней Чернушки (Pisarev 1894, 21; Orlovskij 1909, 251; Voronin, Rapoport 1979, 254). Руины сохранялись еще в 1941 г., когда на площадке горы, возвышающейся на 54 м над уровнем днепровской поймы, находились военные блиндажи

и ходы сообщения (Voronin, Rappoport 1979, 254).

Исходя из описанного, совершенно ясно, что в 1636 г. колокол с характерной православной инскрипцией не мог быть пожертвован в Спасскую церковь Смоленска, находившуюся на тот момент в ведении иезуитов. Вообще, как отмечали сами иезуиты, их коллегиум 1630-40-х гг. испытывал материальные трудности, часто живя впроголодь. Причиной тому были общая нестабильность и беспорядок в городе и, в целом, на Смоленщине из-за военных действий, опустошивших сельскохозяйственные угодья. Доход с последних варьировался и составлял в среднем 2000 флоринов в год. Важным источником материальных средств являлись пожертвования. Известно, что в 1643 г. иезуитам был подарен новый колокол весом 33,75 пудов, то есть 553 кг, однако для церкви Святого Архангела Михаила. Латинская инскрипция, сделанная на данном колоколе, гласила: «Sonet Deo Matrique eius laus, Principibus apostolorum Petro et Paulo, Divis Ignatio et Francisco et Angelis tutelaribus militum gratitudo. Sigismundus Tertius Rex Poloniae per Alexandrum Corvinum Gosiewski hoc aes campanae Ecclesiae Societati Jesu Smolensensi anno 1637 fusum, ac rursus auctum et refusum anno 1643» (Krajcar 1967, 450-451).

Таким образом, версия о происхождении описываемого польского колокола из Спасского монастыря Смоленска не находит исторического подтверждения.

В действительности ответ на вопрос о возникновении смоленского польского колокола в буквальном смысле лежит на поверхности самого артефакта, а именно – в сделанной на нем инскрипции. Так, надпись сообщает, что жертвователь – Иван Семенович Водовозович был головчинским мещанином. Вне всякого сомнения, речь идет о расположеннном в 40 км западнее Могилева местечке Головчин (Hołowczyn) – в то время входившем в Оршанский повет Витебского воеводства Великого княжества Литовского.

Некоторые историки предполагали, что Головчин (Головчино) – это древнерусский город Голотическ (Голотичьск) в Полоцкой земле, впрочем, считая это маловероятным (Dovnar-Zapskij 1891, 54; Kočin 1965, 389). Впервые он упоминается в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях под 1071 г. В связи с битвой между полоцким князем Всеславом Брячиславичем и волынским и туровским князем Ярополком Изяславичем, в которой первый потерпел поражение (Tihomirov 1956, 32-33; Tihomirov 1979, 116; Tihomirov 1952, 214-259). Голотическ также встречается в «Списке русских городов дальних и ближних» в перечне «литовских городов», но его местоположение не указывается (Tihomirov 1952, 214-259). В 1969 г. на территории Головчина археологами были исследованы два городища, однако признаков древнего города не выявлено (Štyhov 1978, 21). На протяжении последующих четырех столетий о Головчине мало что известно. Он вновь начинает фигурировать в историческом контексте в 1432 (1440) г., когда великий князь литовский Жигимонт Кейстутович дарит его Самойле. В это же время сооружаются укрепления деревянного Головчинского замка, валы которого сохранились до сего дня. Предположительно замок располагался в селе, на правом берегу реки Вабич в 250 м на восток от Головчина. Его возникновение относят к XVI в. Площадь городища составляет 90x90 м и возвышается над уровнем реки до 4 м. Кроме того, для замка могла также использоваться небольшая возвышенность (до 7 м) в центре села площадью 17x34 м на правом берегу ручья, являющегося правым притоком Вабича, где позже построили деревянную церковь. В 1986 г. археологами были найдены здесь фрагменты гончарной керамики XIV в. (Borisenko 2007, 426-427). Упоминание о существовании замка в Головчине присутствует и в Барколабовской летописи, где под 1583 г. говорится о наличии здесь «брамы остроговой» (Romanov 1910, 13). Однако до настоящего времени точное расположение Головчинского замка не установлено (Borisenko 2007, 427).

В 1501 г. Головчин принадлежит супруге великого князя литовского и короля польского Александра Ягеллончика королеве Елене Ивановне, дочери царя Ивана III, затем переходит князьям Ряполовским. Далее Головчин отходит князьям Головчинским (из рода Рюриковичей), которые основали здесь кальвинский сбор. Впоследствии Головчин принадлежит Служкам, Потоцким, Пацам (Semenov 1905, 478-479). Известно, что в 1573 г. в Головчине строят костел, а через четыре года здесь проходит Виленский почтовый тракт (Borisenko 2007, 428). В XVI в. о Головчине говорится на первых страницах Барколабовской летописи в связи с заселением Могилева: «место Могилев засели люди прихожие... селяне с Княжич, з Головчина» (Romanov 1910, 8). В 1584 г. Головчин вместе с Оршой, Копысем и Шкловом указывается как город. В 1623 г. Головчин получает статус местечка. В. Семенов пишет, что, по преданию, в XVII в. Головчин находился «в цветущем состоянии», и что «в нем, будто бы, было до 15 христианских храмов и до 100 кузниц» (Semenov 1905, 479). В XVII-XVIII вв. здесь располагался каменный костел доминиканцев, построенный около 1686 г., который действовал до Ноябрьского восстания и был закрыт в 1832 г. (Miławicki 2014, 130).

Теперь мы подходим к событиям, непосредственно проливающим свет на историю смоленского польского колокола. В ходе русско-польской войны в 1654 г. Головчин подвергся разрушению и сожжению. В августе 1654 г. польско-литовское войско под предводительством гетмана Януша Радзивилла отступало через белыничские земли на запад. Его теснили русские воеводы Трубецкой и Черкасский. 12 августа Радзивилл укрепился на реке Вабич возле Головчина и решил разбить русские войска и удержаться здесь. Имея количественное превосходство, русские внезапным ударом выбили польско-литовское войско из Головчина и погнали его дальше. Трубецкой переправился через реку Друть у Тетерина и вынудил Радзивилла вступить в бой под Шепелевичами

в 20 км от Борисова. Там 14 августа Радзивилл впервые проиграл сражение в русско-польской войне. Из восьмитысячного войска гетмана погибла примерно тысяча человек, сам он был ранен, его корпус продолжил хаотичное отступление в западном направлении. Многие были взяты в плен, из них двенадцать полковников. О данном событии русские в своем сообщении докладывали так: «Бояре и воеводы Головчин повоевали и посады выжгли, и народ поимали. И из Головчина пошли за Радзивиллом к Борисову». 5 сентября 1654 г. царь Алексей Михайлович дал приказ воеводе Трубецкому вывезти из Головчина в Смоленск колокола из церквей, металлы, лекарственные средства и докторов (Borisenko 2007, 428). Добавим, что разгром польско-литовской армии оказал влияние на весь ход военной кампании 1654 г. Шляхта Смоленска, понимая, что помочь ждать неоткуда, 16 сентября вынужденно сдала город царю Алексею Михайловичу.

Известно, что в Головчине были Преображенская, Троицкая и Успенская православные церкви, которые позже, в 1722 г., стали униатскими (Borisenko 2007, 435). Таким образом, вполне очевидно, что смоленский польский колокол изначально находился в Преображенской церкви Головчина и был вывезен из этого местечка в 1654 г. в Смоленск в качестве одного из многочисленных трофеев. Память о Преображенской церкви Головчина сохранилась на протяжении последующей истории, свидетельством чего служит переименование местного доминиканского костела в Преображенский храм после передачи его православным в 1833 г. (Borisenko 2007, 435-436).

Историю происхождения смоленского польского колокола обогатили бы сведения об его фундаторе – головчинском мещанине Иване Семеновиче Водовозовиче. Пока что среди доступных источников автору не удалось найти о нем какой-либо информации. Возможно, в будущем данный пробел восполнится, если следы этой персоны удастся найти в Литовском государственном

историческом архиве в Вильнюсе, где хранятся документальные реестры Головчина, включая переписи местного населения.

Внешние признаки польского колокола, изготовленного из бронзы, позволяют гипотетически атрибутировать его как произведение колокольного литейщика Якоба Кёнига (Jakob König) из Эрфурта, который в 1634-1636 гг. работал в Виттенберге (Eichler, Poettgen 2003, 162). Своим скромным орнаментом, типом шрифта, а также совокупностью характерных черт колокол очень похож на работы указанного мастера, например, на колокол из деревенской церкви Святого Маврикия в Фрауэнприсниц в Тюрингии, Германия („Die Inschriften des Landkreises Jena“ nd.). Небезынтересно также сравнить описываемый колокол с колоколами из западно-белорусских регионов (Šat'ko 2015).

В Смоленске, взятом царем Алексеем Михайловчием в том же 1654 г., польский колокол, по всей вероятности, занял место на звоннице кафедрального собора. Назначенный в 1658 г. на Смоленскую кафедру архиепископ Филарет просил у царя финансовые средства на ремонт кафедрального Мономахова собора, а также на строительство при нем колокольни (Voronin, Rappoport 1979, 31). Звонница была сооружена между 1663 и 1669 гг., но реставрация храма затянулась и в итоге переросла в строительство нового Свято-Успенского собора в барочном стиле в 1677-1740 гг., окончательно завершенного в 1772 г. (Plužníkov 2011, 215-216).

В 1763-1772 гг. при епископе Смоленском Парфении (Сопковском) на пожалованные императрицей Екатериной II 11900 рублей и 45000 рублей собранных пожертвований был закончен кафедральный собор и выстроена новая колокольня, с использованием нижнего яруса предыдущей. В 1791 г. с севера к ней была сделана небольшая вертикальная пристройка для часов. Автор первой книги по истории Смоленска священник Никифор Мурзакевич сообщает, что за счет тех же средств епископ

Парфений «отлил колокола один в 1000 пудов, другой в 450, третий 65 и пять поменьших» (Murzakevič 2008, 118). Очевидно, что среди этих колоколов свое место на звоннице нашел и польский колокол, вес которого, как указывалось, составляет чуть более 37 пудов.

В 1887 г. в своего рода анкете под названием «Метрика для получения верных сведений о древне-православных храмах Божиих, зданий и художественных предметов», подписанной протоиереем Смоленского кафедрального собора Авраамием Лызловым, в пункте 51 указано, что на соборной колокольне всего четырнадцать колоколов (Anikeev 2012, 76). Иных дореволюционных описаний колоколов Смоленского Свято-Успенского кафедрального собора нет.

Более подробные сведения о колоколах относятся к 1929 г., когда большевиками была начата кампания по снятию колоколов на нужды индустриализации. В апреле 1929 г. Главнаука, занимавшаяся учетом храмов, направила во все регионы предписание о необходимости проведения осмотра колоколен с целью изъятия колоколов. 8-14 мая специальной комиссией из представителей Губернского административного отдела Западного облисполкома, горсовета, губоно, губфо и горкомхоза осуществлялся осмотр колоколов храмов Смоленска. В результате, согласно составленному акту, к изъятию с колокольни Свято-Успенского кафедрального собора были определены следующие колокола: «1. Праздничный колокол весом 1000 пудов, датированный 1741 г. 2. Будничный весом в 65 пудов. 3. Колокол с прежней филаретовой колокольни, весом около 30 пудов, второй половины 17 века (бездействует). 4. Три больших колокола, выбивавших четверти на башенных часах, весом около 6-7-8 пудов». Означенные колокола подлежали передаче Рудметаллторгу, при этом предварительно губоно поручалось «заснять на месте» тысячепудовый колокол, и кроме того «со всех колоколов должны быть скопированы

надписи, орнамент отделки и прочее» (ГАСО. Ф. 2360. Оп. 1. Д. 2952. Л. 310). Учитывая, что в подобного рода советских документах довольно часто допускалось много неточностей и ошибок, можно полагать, что под колоколом с «филаретовой» колокольни второй половины XVII в. – подразумевался польский колокол. Вскоре после проведенного обследования в местной газете «Рабочий путь» была опубликована антирелигиозная статья искусствоведа И. Хозерова, в которой отмечалось, что соборная колокольня представляет собой «целый музей колоколов» („Dovol'no malinovogo zvona...” 1929, 4-5).

15 января 1930 г. пленум Смоленского городского совета принял варварское постановление о снятии колоколов со всех действующих и недействующих православных церквей Смоленска и передаче металла в фонд индустриализации страны („Нроника” 1930, 2-3). Уже через месяц, 19 февраля, специально созданная комиссия актом удостоверяла, что во всех пятнадцати православных храмах Смоленска было произведено снятие 88 колоколов общим весом 44775 кг. В частности, с колокольни Свято-Успенского кафедрального собора снято 13 колоколов общим весом 23377 кг. В примечании к документу указывалось, что колокола в разбитом виде были перевезены на склад Рудметаллторга, где были взвешены, и на что имеются приемно-сдаточные акты (ГАСО. Ф. 2360. Оп. 1. Д. 2952. Л. 291, 301).

Однако от уничтожения должны были сохраниться три колокола. Того же 19 февраля 1930 г. был составлен еще один акт, в котором сообщается, что те же члены комиссии на основании полномочий администрации Западной области «произвели передачу из снятых с собора колоколов три колокола весом – 1-160 пудов, 1-20 пудов, 1-25 пудов для хранения в Смоленском Государственном музее». Вместе с этим актом в архивной папке имеется также простая бумажка без подписей, печати и штампа,

в которой говорится: «Из колоколов изъяты музеем как имеющие историческую ценность с соборной колокольни с датой 1515 г. – 160 пудов, 1636 г. – 20 пудов, 1748 г. – 25 пудов» (Anikeev 2012, 82).

Между тем в довоенный период никакие колокола на учет в Смоленский музей не поступили и там не состояли, равно как нет в музее и каких-либо скопированных колокольных надписей и орнаментов. Это подтверждает многолетний бывший директор Смоленского государственного музея-заповедника Надежда Евстафьевна Волосенкова, которая в беседе с автором высказала мнение, что отобранные для музея колокола, скорее всего, остались во дворе собора. Затем какие-то из них могли пойти на нужды промышленности, поскольку для этой цели даже из музея были изъяты предметы из драгоценных металлов.

Нет сомнений в том, что в вышеприведенном документе («бумажке») под колоколом 1636 г., вес которого ошибочно указан в 20 пудов, подразумевается польский колокол. По неведомым нам обстоятельствам, данный артефакт остался на территории Свято-Успенского кафедрального собора (в котором в 1933-1941 гг. большевиками был устроен антирелигиозный музей), равно как остался здесь и язык от снятого большого тысячепудового колокола.

Свое место на соборной звоннице польский колокол занял после того, как с началом немецкой оккупации Смоленска, в августе 1941 г. были возобновлены богослужения в Свято-Успенском кафедральном соборе. С этого времени он висел на колокольне в числе прочих случайно подобранных колоколов до ее реставрации в 2010-х гг., когда был снят и размещен рядом. Польский колокол имеет повреждение – утрачен его язык, и примерно наполовину отломано внутреннее кольцо (серъга). В послевоенное время кустарным способом был изготовлен непрофессиональный язык, который подвешивался за оставшуюся часть кольца и, поскольку не был закреплен, после нескольких сильных ударов падал. В связи

с этим бить в польский колокол требовалось очень деликатно, а потому он использовался довольно редко. Автору этой статьи еще в детстве, в 1990-е гг., удалось несколько раз звонить в польский колокол и сохранить в памяти его мощное и одновременно «сладостное» мелодичное звучание.

Резюмируя, следует отметить, что проведенное историко-археологическое исследование смоленского польского колокола позволило впервые представить комплексное описание данного артефакта: установить его первоначальное местонахождение, выявить обстоятельства его появления в Смоленске и проследить историю его бытования здесь, предположительно определить мастера-изготовителя, а также осветить его судьбу в XX в., в том числе на фоне дикой большевистской кампании по уничтожению колоколов. Из изложенного вытекает вывод о том, что смоленский польский колокол имеет большое историческое и культурное значение для России, Польши, Литвы и Беларуси и является частью общеевропейского достояния, заслуживая пристального внимания со стороны историков и искусствоведов.

Сокращения названий государственных учреждений:

Адмуправление – Административное управление

Горкомхоз – Городской отдел коммунального хозяйства

Горсовет – Городской совет

Главнаука – Главное управление научными, научно-художественными
и музеиными учреждениями

Губоно – Губернский отдел народного образования

Губфо – Губернский финансовый отдел

Облисполком – Областной исполнительный комитет советов
народных депутатов

Рудметаллторг – Акционерное общество по торговле рудой,
металлами, минералами и металлическим ломом

Сокращения названий хранилищ архивных документов:
ГАСО – Государственный архив Смоленской области
Архивные документы
ГАСО. Ф. 2360. Оп. 1. Д. 2952.

Библиография

- Akty istoričeskie, sobrannye i izdannye arheografičeskou komissieū.* 1841.
Tom vtoroj: 1598-1613. Sankt-Peterburg: W Tipografii II-go Otdeleniâ Sobstvennoj E.I.V. Kancelârii.
- Akty, otnosâšiesâ k istorii Zapadnoj Rossii, sobrannye i izdannye arheografičeskou komissieū.* 1848. Tom vtoroj: 1506-1544. Sankt-Peterburg: W Tipografii II Otdeleniâ Sobstvennoj E.I.V. Kancelârii.
- Anikeev, Vladimir Mihajlovič. 2012. *Svâtyni i podvižniki smolenskie.* Smolensk: Svitok.
- Borisenko, Nikolaj Sergeevič. 2007. *Mogilëvšina – moj lubimyj Pridneprovskij kraj (sbornik ekskursij).* Časti I-II. Mogilev: Mogilev. obl. ukrupn. tip.
- Dovnar-Zapsolskij, Mitrofan Viktorovič. 1891. *Očerk istorii krivičskoj i dregovičskoj zemel' do konca XII stoletiâ.* Kiev: Tipo-litografija Tovarišestva I.N. Kušnerov i K v Moskve.
- „Dovol'no malinovogo zvona. Mertvyj kapital na zvonnicaх cerkvej”
1929. *Rabočij put'* 29 maâ, 119: 4-5.
- Eichler, Hans-Georg, i Barbara Poettgen 2003. *Handbuch der Stück- und Glockengießer auf der Grundlage der im mittleren und östlichen Deutschland überlieferten Glocken.* Greifenstein: DGM.
- „Hronika”. 1930. *Rabočij put'* 17 ánvarâ, 14: 2-3.
- „Die Inschriften des Landkreises Jena. Gesammelt und bearbeitet von Luise und Klaus Hallof, Berlin/Wiesbaden 1995: Nr. 326 Frauenprießnitz, Dorfkirche St. Mauritii.” Nd. *Deutsche inschriften online.* Dostęp 2024.08.15. https://www.inschriften.net/jena-landkreis/inschriften/nr/di039-0326.html?tx_hisodat_sources%5BitemsPerPage%5D=10&tx_hisodat_

- sources%5BorderBy%5D=10&tx_hisodat_sources%5BascDe-
sc%5D=10&tx_hisodat_sources%5BcurrentPage%5D=4&tx_
hisodat_sources%5BcurrentItem%5D=328&tx_hisodat_so-
urces%5Baction%5D=show&tx_hisodat_sources%5Bcontrol-
ler%5D=Sources&cHash=df11ecc65007958cf481ed6c28fef7ab.
- Karamzin, Nikolaj Mihajlovič. 1842. *Istoriâ Gosudarstva Rossijskogo*.
Kniga II (tomy V, VI, VII, VIII). Primečaniâ k V tomu (137).
Sankt-Peterburg: Izdanie I. Èjnerlinga, v tipografii Èduarda Praca.
- Kočin, Georgij Evgen'evič. 1965. *Sel'skoe hozâjstvo na Rusi v period*
obrazovaniâ Russkogo centralizovannogo gosudarstva. Konec XIII –
načalo XVI v. Moskva/Leningrad: Nauka, lenigradskoe otdelenie.
- Krajcar, Jan. 1967. „Religious conditions in Smolensk 1611-1654”
Orientalia christiana periodica (33) 2: 406-456.
- Miławicki, Marek. 2014. „Dominikanie na kresach wschodnich Rzec-
zypospolitej Obojga Narodów (teren dzisiejszej Białorusi)” *Folia*
Historica Cracoviensia 20: 95-153.
- Murzakevič, Nikifor Adrianovič. 2008. *Istoriâ goroda Smolenska*. Smo-
lensk: Svitok.
- Orlovskij, Ivan Ivanovič. 1909. „Borisoglebskij monastyr' v Smolenske
na Smâdyni i raskopki ego razvalin” *Smolenskaâ Starina* 1 (1):
195-313.
- Pisarev, Semen Petrovič. 1894. *Knâžeskaâ mestnost' i hram knâzej v Smo-
lenske. Istoriko-arheologičeskoe izsledovanie v svâzi s istoriej Smo-
lenska*. Smolensk: Tipo-Litografiâ F.V. Zeldoviča.
- Pisarev, Semen Petrovič. 1898. *Pamâtnaâ kniga g. Smolenska. Istoriko-
-sovremenneyj očerk, ukazatel' i putevoditel'*. Smolensk: Izdanie
knižnago magazina S.A. Klestova.
- Plužnikov, Vladimir Ivanovič, red. 2011. *Svod pamâtnikov arhitektury*
i monumental'nogo iskusstva Rossii: Smolenskaâ oblast'. Moskva:
Nauka.

- Romanov, Evdokim Romanovič, red. 1910. „Varkolabovskaâ letopis’?”
W *Pamâtnaâ knižka Vilenskoj gubernii na 1910 g.*, 1-58. Vilna: Gubernskaâ Tipografiâ.
- Semenov, Veniamin Petrovič, red. 1905. *Rossiâ. Polnoe geograficheskoe opisanie našego otečestva. Nastol’naâ i dorožnaâ kniga dlâ russkih lûdej*. T. 9: *Verhnee Podneprov’ e i Belorussiâ*. S.-Peterburg: Izdanie A.F. Devriena.
- Šat’ko, Elena Gennad’evna. 2015. *Kolokola i kolokol’nye zvony pravoslavnnyh hramov zapadnyh regionov Belarusi: istoriâ i sovremennost’*. Minsk: Kompozitor.
- Tihomirov, Mihail Nikolaevič. 1956. *Drevnerusskie goroda. Izdanie vtoroe, dopolnennoe i pererabotannoe*. Moskva: Gosudarstvennoe izdatel’stvo političeskoj literatury.
- Štyhov, Georgij Vasil’evič. 1978. *Goroda Polockoj zemli (IX-XIII vv.)*. Minsk: Nauka i tehnika.
- Tihomirov, Mihail Nikolaevič. 1956. *Drevnerusskie goroda. Izdanie vtoroe, dopolnennoe i pererabotannoe*. Moskva: Gosudarstvennoe izdatel’stvo političeskoj literatury.
- Tihomirov, Mihail Nikolaevič. 1979. *Russkoe letopisanie*. Moskva: Nauka.
- Tihomirov, Mihail Nikolaevič. 1952. „Spisok russkih gorodov dal’nih i bližnih” *Istorîeskie zapiski* 40: 214-259.
- Trofimovskij, Nikolaj Vasil’evič. 1868. *Istoriko-statističeskoe opisanie Smolenskoj eparchii*. Smolensk.
- Voronin, Nikolaj Nikolaevič, i Pavel Aleksandrovič Rappoport. 1979. *Zodčestvo Smolenska XII-XIII vv.* Leningrad: Nauka, lenigradskoe otdelenie.

CHRZEŚCIJAŃSKA AKADEMIA TEOLOGICZNA
w WARSZAWIE

Rok LXVII

Zeszyt 1

ROCZNIK TEOLOGICZNY

[E-WYDANIE]

WARSZAWA 2025

REDAGUJE KOLEGIUM

prof. dr hab. Jakub Sławiak – redaktor naczelny

dr hab. Jerzy Ostapczuk, prof. ucz. – zastępca redaktora naczelnego

prof. dr hab. Tadeusz J. Zieliński

dr hab. Borys Przedpełski, prof. ucz.

dr hab. Jerzy Sojka, prof. ucz. – sekretarz redakcji

MIĘDZYNARODOWA RADA NAUKOWA

JE metropolita prof. dr hab. Sawa (Michał Hrycuniak), ChAT

abp prof. dr hab. Jerzy Pańkowski, ChAT

bp prof. ucz. dr hab. Marcin Hintz, ChAT

prof. dr hab. Atanolijs Aleksiejew, Państwowy Uniwersytet w Petersburgu

prof. dr Marcello Garzaniti, Uniwersytet we Florencji

prof. dr hab. Michael Meyer-Blanck, Uniwersytet w Bonn

prof. dr hab. Antoni Mironowicz, Uniwersytet w Białymostku

prof. dr hab. Wiesław Przyczyna, Uniwersytet Papieski Jana Pawła II w Krakowie

prof. dr hab. Eugeniusz Sakowicz, Uniwersytet Kardynała Stefana Wyszyńskiego

w Warszawie

prof. dr hab. Tadeusz Stegner, Uniwersytet Gdańskiego

prof. dr Urs von Arx, Uniwersytet w Bernie

prof. dr hab. Piotr Wilczek, Uniwersytet Warszawski

Redakcja językowa – Kalina Wojciechowska

Korekta tekstów angielskich – Karen Wasilewska

Skład komputerowy – Jerzy Sojka

BWHEBB, BWHEBL, BWTRANS [Hebrew]; BWGRKL, BWGRKN, and BWGRKI [Greek]

PostScript® Type 1 and TrueType fonts Copyright ©1994-2013 BibleWorks, LLC.

All rights reserved. These Biblical Greek and Hebrew fonts are used with permission

and are from BibleWorks (www.bibleworks.com)

eISSN: 2956-5685

Wydano nakładem

Wydawnictwa Naukowego ChAT

ul. Broniewskiego 48, 01-771 Warszawa, tel. +48 22 635-68-55

Objętość ark. wyd.: 7,7. Nakład: 100 egz.

SPIS TREŚCI

ARTYKUŁY

JERZY OSTAPCZUK, <i>Parateksty ewangeliczne w Antologionie Mateusza Dzie- siętego: posłownia do Ewangelii i stichometria końcowa</i>	7
JONASZ OŚWIECIŃSKI, <i>Komentarz midraszu Jalkut Szimoni do Psalmu 23</i>	29
ADAM MAGRUK, METROPOLITA SAWA (MICHAŁ HRYCUNIAK), <i>Pojęcie autokefalii w Kościele Wschodnim do XIII wieku</i>	51
АЛЕКСАНДР ФЕДЧУК, <i>Вклад редемптористов в развитие униатского движения на Волыни</i>	63
Еп. СЕРАФИМ (ВЛАДИМИР АМЕЛЬЧЕНКОВ), <i>Польский колокол в Смоленске: историко-археологическое исследование</i>	79
MARCIN RZEPKA, <i>Misje medyczne w protestantyzmie a problem ochrony zdrowia misjonarzy. Na przykładzie misji anglikańskich i prezbiteriańskich w I połowie XX wieku</i>	97
DAMIAN HERATYM, <i>Problematyka teologiczna i kościelna poruszana w czasopiśmie PNKK „Polska Odrodzona” w Polsce w roku 1923</i>	129
WOJCIECH SZCZERBA, <i>The Imago Dei Concept as a Symbol of Human Dignity? A Critical Examination. An Outline</i>	159
Wykaz autorów	172

Contents

ARTICLES

JERZY OSTAPCZUK, <i>Gospel paratexts in the Anthologion of Matthew the Tenth: Subscriptions to Gospels and final stichometry</i>	7
JONASZ OŚWIĘCIŃSKI, <i>Midrash commentary of Yalkut Shimoni on Psalm 23</i>	29
ADAM MAGRUK, METROPOLITA SAWA (MICHAŁ HRYCUNIAK), <i>The Concept of Autocephaly in the Eastern Church up to the 13th Century</i>	51
OLEXANDR FEDCHUK, <i>The contribution of the Redemptorists to the development of the Uniate movement in Volyn</i>	63
BP. SERAFIM (VLADIMIR AMEL'ČENKOV), <i>Polish bell in Smolensk: historical and archaeological research</i>	79
MARCIN RZEPKA, <i>Medical missions in Protestantism and the issue of missionaries' health care. The example of Anglican and Presbyterian mission of the first half of the 20th century</i>	97
DAMIAN HERATYM, <i>Theological and church issues discussed in „Polska Odrodzona” magazine of the PNCC in Poland in 1923</i>	129
WOJCIECH SZCZERBA, <i>The Imago Dei Concept as a Symbol of Human Dignity? A Critical Examination. An Outline</i>	159
List of authors	172

Wykaz autorów

Jerzy Ostapczuk, j.ostapczuk@chat.edu.pl, Chrześcijańska Akademia Teologiczna w Warszawie, ul. Władysława Broniewskiego 48, 01-771 Warszawa.

Jonasz Oświeciński, jonasz.oswiecinski@gmail.com, Wyższa Szkoła Teologiczno-Humanistyczna im. Michała Beliny-Czechowskiego w Podkowie Leśnej ul. Jana Pawła II 39, 05-807 Podkowa Leśna.

Adam Magruk, a.magruk@chat.edu.pl, Chrześcijańska Akademia Teologiczna w Warszawie, ul. Władysława Broniewskiego 48, 01-771 Warszawa.

Olexandr Fedchuk, l_fedchuk@ukr.net, Volynska Duhovna Seminaria, 43016 Ukraine, Volynskaia Oblast, Luck, vul. Dragomanova 26

Bp. Serafim (Vladimir Amel'čenkov), seraphim@list.ru, ul. Krutickaja, 11, Moskwa, 109044.

Marcin Rzepka, marcin.rzepka@uj.edu.pl, Instytutu Religioznawstwa Uniwersytetu Jagiellońskiego, Grodzka 52, 31-044 Kraków.

Damian Heratym, dheratym@student.chat.edu.pl, Chrześcijańska Akademia Teologiczna w Warszawie, ul. Władysława Broniewskiego 48, 01-771 Warszawa.

Wojciech Szczerba, w.szczerba@ewst.pl, Ewangelikalna Wyższa Szkoła Teologiczna, ul. Św. Jadwigi 12, 50-266 Wrocław.